

к границам Индии растрастить боевой потенциал армии, о зыбкости силового утверждения на Востоке несвойственных ему порядков, о необходимости при заключении военных союзов с местными правителями учитывать их политические интересы. Пока эти условия не будут учтены в планировании военных операций, завоевание Россией Индии, по словам автора, останется лишь «мечтой пылких умов, не знающих Восток» [4, л. 35]. К труду были приложены свидетельства, полученные у проезжавших через Кавказ англичан об их пути из Индии и обзоры военных сил ведущего проанглийского правителя Пенджаба Режид-Сингха [4, л. 482–505], с которым российским войскам пришлось бы столкнуться в первую очередь, двигаясь со стороны Персии и Афганистана.

В заключении дела находятся свидетельства европейцев, побывавших в Северной Индии и Средней Азии. Из них наибольший интерес представляет краткая записка о пути прусского барона Дискау из Лахора в Эрзерум, откуда он позднее добрался до Тифлиса. Авантюрист попеременно выдавал себя то за мусульманина, то за путешествующего европейца, то за узбека, то за англичанина. Автор записки сообщал о всех фактах «нелюбви» местных к англичанам, ссылаясь на мнение самого Дискау о возможности отнять Индию «весьма легко, судя по питаемой туземцами ненависти к своим властителям» [4, л. 620 об.].

Таким образом, архив Г.В. Розена хранит интересные источники, позволяющие исследователю изучать тот пласт сведений о Востоке, который был накоплен кавказской администрацией в 30-е гг. XIX в. в рамках организации ей мероприятий Большой игры.

1. Берже, А. П. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) / А. П. Берже. – Тифлис : Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1881. – Т. VIII. – 1033 с.
2. Приключения жизни Виктора Ивановича Мочульского, описанное им самим / сост. В. А. Кривохатский. – М. ; СПб. : Товарищество научных изданий КМК, 2013. – 261 с.
3. Мариньи, Т. Путешествие по Черкессии / Т. Мариньи. – Нальчик : Изд-во «Эль-Фа», 2002. ; Монпере, Ф. Д. Путешествие вокруг Кавказа / Ф. Д. Монпере. – Нальчик : Изд-во «Эль-Фа», 2002.
4. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). – Ф. 6. Оп.1. Д. 66.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 846. Оп. 16. Д. 6528. Л. 1137.
6. Bondarevsky, G. L. The Great Game. A Russian Perspective / G. L. Bondarevsky. – Hastings : Christie Books Publ., 2008. – 103 p.
7. Burnaby, F. On Horseback Through Asia Minor / F. Burnaby. – London : Sampson Low Publ., 1877 – 399 p.
8. Burnes, A. Travels into Bokhara / A. Burnes. – London : Spottiswood Publ., 1834. – 356 p.
9. Conolly, A. Journey the North of India, Overland from England, Through Russia, Persia, And Afghanistan / A. Conolly. – London : Richard Bentley Publ., 1838. – 364 p.
10. Hopkirk, P. The Great Game. On Secret Service in High Asia / P. Hopkirk. – London : John Murray Publ., 2006. – 498 p.
11. Johnson, J. A Journey from India to England through Persia, Georgia, Russia, Poland and Prussia in the Year of 1817 / J. Johnson. – London : Longman Publ., 1818. – 376 p.
12. Meyer, K. Tournament of Shadows / K. Meyer, S. B. Brysac. – New York : Basic Books, 2006. – 705 p.
13. Waugh, D. C. Rhetoric and Reality in the History of the “Great Game” / D. C. Waugh. – Seattle : Bactrian Press, 2007. – 88 p.

Садова Л.А.

ДОКУМЕНТЫ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (АВПРИ) ПО ИСТОРИИ ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКОГО КРИЗИСА 1891–1905 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В 1905 г. на международной арене появилось новое государство – Норвежское королевство, которому предстояло выстраивать отношения с великими державами и мировым сообществом в целом. Норвегия проделала долгий путь в борьбе за свою независимость и самостоятельность. Шведско-норвежская уния заключенная в 1814 г. пережила ряд кризисов на протяжении всего XIX в. Наиболее острый конфликт возник в конце столетия и привел к разрыву унии. В 1885 г. в результате парламентской реформы в Швеции дипломатические функции перешли от короля в ведение министра иностранных дел и министерства в целом. Министр становился ответственным перед шведским парламентом, и число представителей двух стран в составе совместного шведско-норвежского совета по внешнеполитическим делам менялось в соотношении 3 к 1: три представителя Швеции и один от Норвегии [6]. Министерство иностранных дел Соединенных Королевств Швеция и Норвегия было по сути шведским – министерскую должность занимал швед, большинство дипломатических постов также принадлежали шведам, норвежцам же лишь принадлежали ряд консульских должностей. Реформа не учитывала норвежских интересов в отдельности и фактически норвежское правительство утратило возможность активно влиять на формирование внешнеполитического курса Соединенного Королевства. С приходом к власти в Норвегии радикального крыла либеральной партии Венстре в 1891 г. разворачивается шведско-норвежский кризис, в основу которого был положен так называемый «консульский вопрос». Согласно предложенному норвежским правительством законопроекту, Норвегия имеет право на собственную консульскую структуру, что обусловлено разницей в экономических и внешнеполитических интересах Швеции и Норвегии. Создание отдельных консульств рассматривалось как первый этап в процессе реорганизации внешнеполитического ведомства. Главной целью было создание собственного норвежского МИД, ответственного перед стортингом. На протяжении 1891–1905 гг.

развернулась политическая борьба между шведскими и норвежскими властями вокруг консульской реформы, которая сопровождалась спорами, конфликтами, попытками вести переговоры, затрагивала различные другие проблемные аспекты отношений двух сторон, и оказывала влияние на все слои шведского и норвежского общества в целом.

Сложная ситуация на Скандинавском полуострове находилась под пристальным вниманием великих держав: Великобритании, Германии, Франции и Российской империи. Последняя проявляла особую заинтересованность, как пограничное государство и исходя из российских геостратегических и внешнеэкономических интересов в регионе. Российская дипломатия составляла подробные отчеты обо всех изменениях в текущих политических, экономических и военных делах, происходящих в Швеции-Норвегии. Фонды Архива внешней политики Российской империи содержат обширную информацию об экономическом, внутривластном, культурном развитии Швеции и Норвегии на рубеже XIX – начала XX вв., взаимоотношениях с другими странами, в частности с Россией. Они послужили основой для многочисленных исследований отечественных историков [11; 13; 15].

Опубликованные документы Архива раскрывают историю русско-норвежских отношений периода признания Россией независимости Норвегии и последующего времени установления и развития двусторонних отношений между странами [1; 12]. Предыдущие годы нарастания кризиса унии и шведско-норвежского конфликта 1891–1905 гг. представляют также особый интерес с точки зрения процесса формирования позиции российских властей, изучения факторов, влиявших на принятие решений и системы отбора информации дипломатами происходивших в Соединенных Королевствах событий. Среди обширной документации, хранящейся в АВПРИ, хотелось бы выделить ряд наиболее интересных фондов. Материалы фонда № 133 АВПРИ («Канцелярия министра иностранных дел») [2], которые содержат в себе огромный массив дипломатических документов: депеш, писем, телеграмм, в том числе секретных и конфиденциальных, записок посланников и секретарей Императорской российской миссии в Стокгольме, направленных в МИД, бумаги межведомственной переписки по текущим вопросам, донесения российских консулов в Кристиании и Гаммерфесте. Значительная часть документов, посвященных российским отношениям, в том числе экономическим и региональным (Север и Арктика) содержится в фонде № 155 (II Департамент МИД, который до 1897 г. назывался «Департаментом внутренних сношений») [3]. Здесь можно найти информацию о проектах российских властей по благоустройству Мурманского края, переписку с различными ведомствами по проблемам северного региона, донесения российских консулов северо-норвежских городов в МИД. В документах фонда № 159 («Департамент личного состава и хозяйственных дел») [4] представлена информация как об отдельных сотрудниках внешнеполитического ведомства (например, формулярные списки), так и переписка по различным вопросам: отпуска, прибытие к месту назначения, определение выплат, списки состава ряда миссий и консульств и пр. Фонды № 193 («Миссия в Стокгольме») и № 288 («Генеральное консульство в Стокгольме») [5] включают в себя переписку российских дипломатических и консульских представителей с МИД по вопросам торговых отношений, статистические отчеты, письма по проблемам наследства и различных юридических споров и т.д.

При анализе дипломатических документов необходимо учитывать, что Скандинавский полуостров в российском внешнеполитическом векторе на рубеже XIX–XX вв. был не приоритетным. Назначение на дипломатический пост в данный регион, как один из наименее конфликтных, с точки зрения развития дипломатической карьеры было периодом снижения активной деятельности. Другим важным фактором был тот факт, что Швеция и Норвегия в рамках унии представляли собой самостоятельные государства в области внутренней политики и экономического развития, объединенные личностью короля и общим Министерством иностранных дел, расположенным в столице Швеции – Стокгольме. Здесь же были сосредоточены все дипломатические представительства иностранных государств, включая Российскую империю. Через Миссию в Стокгольме осуществлялась связь с другими российскими представительствами как в Швеции, так и в Норвегии, поэтому более тесные контакты у посланников складывались с представителями шведского истеблишмента, а не норвежского, что наложило отпечаток на предоставляемую ими информацию. Все они были уже состоявшиеся дипломаты, имевшие за плечами огромный опыт дипломатической работы, дворяне по происхождению. Они отлично разбирались в хитросплетениях международной политики, проводили тщательный отбор информации и имели собственную позицию в тех или иных вопросах, которая сквозит в отправленных ими донесениях. Нужно также учитывать, что выборка и оценка информации дипломатами находилась под влиянием не только их личной позиции, выдержанной в духе патриотизма и консерватизма как того и требовала кастовая система российского МИД, но определенных стереотипов, связанных с внешнеполитическими установками и приоритетами [10, с. 139]. С этой точки зрения, политические и законодательные акции норвежских властей-членов радикальной партии Венстре, поддерживаемые значительной частью населения страны и направленные на расширение самостоятельности Норвегии в рамках унии, воспринимались как революционные действия против легитимной монархии. В сознании международной общественности и дипломатии Швеция и Норвегия выступали как единое целое,

а в связи с тем, что все рычаги внешнеполитического управления находились в руках Швеции, то борьба норвежцев за свои права выглядела и преподносилась как политическая провокация и дестабилизирующий страну фактор. В качестве примера можно привести высказывание российского посланника И.А. Зиновьева в своем донесении в 1892 г. по поводу «консульской проблемы»: «вопрос этот как домоклов меч будет отныне висеть над Швецией и, в виду видимого умножения в Норвегии приверженцев радикальных убеждений, должно предвидеть, что в более или менее близком будущем, он послужит источником крупных осложнений между Соединенными Королевствами» [7].

Обязанности консульств определялись «Уставом консульским» 1892 г. и были весьма обширными, хотя и касались в основном вопросов социально-экономической сферы, защиты и покровительства русских подданных, содействия русской торговле и т. д. [10, с. 135–136]. Консульские донесения направлялись в посольства и миссии и лишь оттуда, в зависимости от степени их значения, в МИД.

Главными задачами дипломатов было отслеживание ситуации в стране и своевременное информирование центрального аппарата о происходящих изменениях, встречах с руководством страны и представителями различных общественных слоев [10, с. 135]. Российскую дипломатию волновали многочисленные детали внутренней жизни Соединенных Королевств Швеция и Норвегия, царящие в стране общественные настроения, особенно по отношению к королевской власти и России. В своих донесениях посланники нередко приводят выдержки из местной прессы в качестве иллюстрации того или иного тезиса. В зависимости от ценности передаваемой информации, иногда приводятся полные тексты на оригинальном языке. В фокусе внимания также оказалась бурная политическая борьба между консервативными (партия Хёйре) и либеральными силами Норвегии (партия Венстре). Представленная в документах динамика партийных перестановок демонстрирует постепенное снижение в Норвегии агрессивной риторики против Швеции с 1891 г. к началу 1900 г. Своеобразным рубежом оказался 1895 г., события которого показали, что жесткая и настойчивая позиция может спровоцировать войну между «братскими странами», к которой, однако, ни одна из сторон не готова как материально, так и психологически [14]. «Консульский вопрос» звучит рефреном практически во всех документах этого периода. Диппредставители на страницах своих донесений передавали различные вопросы и результаты деятельности специальных шведско-норвежских комитетов, собираемых с целью найти решения существующей проблемы. Военные реформы и наращивание вооруженных сил со стороны Норвегии и Швеции в обозначенный период нередко увязывались с феноменом «русской угрозы». Последнюю можно назвать весьма значительным фактором межгосударственных отношений, который учитывался российским МИД при принятии решения о признании независимости Норвегии. Особый интерес с точки зрения выстраивания и особенностей межведомственной коммуникации представляют документы переписки между МИД и Министерством Финансов по вопросу о переговорах о пересмотре российско-норвежского трактата о торговле, мореплавании и дружбе 1838 г. [8; 9]. Еще один фокус внимания российской дипломатии – внешнеполитический курс Соединенных Королевств. Германофильская Швеция и прогерманские настроения в ее обществе вызывали немалую обеспокоенность российской властей и были тем фактором, который российская дипломатия постоянно имела в виду при внешнеполитическом планировании, а также довольно часто поднимала эту тему во время встреч российского представителя со шведскими властями.

Подводя итог, можно сказать, что документы Архива внешней политики Российской империи позволяют сформировать практически полную картину хода развития шведско-норвежского конфликта в 1891–1905 гг., выявить особенности формирования позиции российской дипломатии в отношении политического кризиса между Швецией и Норвегией.

1. «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905–1917). Сборник документов / сост.: В.А. Карелин, Й.П. Нильсен; отв. ред. А.А. Комаров. – М.: Ленанд, 2014. – 400 с.
2. АВПРИ. – Ф.133. Оп.470.
3. АВПРИ. – Ф.155. Оп.445, 407.
4. АВПРИ. – Ф. 159. Оп. 749/1, 749/2.
5. АВПРИ. – Ф. 193. Оп. 817/1; Ф. 288. Оп. 817/2.
6. АВПРИ. – Ф.133. Оп. 470. Д. 90. Л. 25–25 об.
7. АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д.91. Л. 65–66.
8. АВПРИ. – Ф. 155. Оп. 407. Д. 16.
9. Ганелин, Р. Ш. С.Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 / Р. Ш. Ганелин // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Труды ЛОИИ. – Вып. 11. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. – С. 144–163.
10. Георгиев, А. В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия / А. В. Георгиев // История СССР. – 1988. – № 4. – С. 135–149.
11. Касиян, А. С. Россия и Норвегия. 1814–2014 гг. / А. С. Касиян // Новая и новейшая история. – 2009. – № 6. – С. 223–224.
12. Признание Россией норвежского независимого государства (сборник документов) / сост. В. В. Похлебкин. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 106 с.
13. Россия и Норвегия. Сквозь века и границы / ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й. П. Нильсен. – М.: Художник и книга, 2004. – 504 с.
14. Садова, Л. А. Осложнение шведско-норвежского конфликта в 1895 г. по документам российских дипломатов / Л. А. Садова // Новая и новейшая история. – Том 65. – № 5. – 2021. – С. 165–179.
15. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 гг. / Р. А. Давыдов [и др.]; отв. ред. Й. П. Нильсен. – М.: Весь мир, 2017. – 702 с.